

девять рассказов

Дж. Д. СЭЛИНДЖЕР

Джером Дэвид Сэлинджер

Девять рассказов

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127570

Девять рассказов: Радуга; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-90027-5

Аннотация

Писатель-классик, писатель-загадка, на пике карьеры объявивший об уходе из литературы и поселившийся вдали от мирских соблазнов в глухой американской провинции. Его книги, включая культовый роман «Над пропастью во ржи», стали переломной вехой в истории мировой литературы и сделались настольными для многих поколений бунтарей: от битников и хиппи до представителей современных радикальных молодежных движений.

«Девять рассказов» – это девять жемчужин в творчестве Сэлинджера. Недаром их создателя авторитетные литературные критики называют рассказчиком от Бога. Его творчество – глубоко и значительно, речь – богата и блистательна, герои – искренни и незабываемы.

Содержание

Самый день для банабульки	5
Дядюшка Хромоног в Коннектикуте	24
На пороге войны с эскимосами	48
Хохотун	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джером Сэлинджер

Девять рассказов

J. D. Salinger

Nine Stories

© М. Немцов, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Дороти Олдинг и Гасу Добрано¹

*Нам известно, как звучит хлопок двух ладоней.
Но как звучит хлопок одной?*

Дзэнский коан²

¹ Дороти Олдинг (1910–1997) – литературный агент Дж. Д. Сэлинджера. Гас Добрано – редактор разделов прозы и поэзии журнала «Нью-Йоркер» в 1940–1950-х гг.

² Коан «Одна рука» японского поэта, художника и проповедника Хакуина Осё (1685–1768).

Самый день для банабульки

В отеле поселились девяносто семь рекламщиков из Нью-Йорка и так забились все междугородные линии, что девушке из 507-го пришлось ждать соединения с полудня чуть ли не до половины третьего. Однако времени она не теряла. Прочла в женском карманном журнале статью «Секс – развлечение. Или ад?». Вымыла щетку и расческу. Свела небольшое пятно с юбки бежевого костюма. Перешла пуговицу на блузке из «Сакса»³. Выдернула два свежих волоска, пробившихся из родинки. Когда телефонистка наконец вызвала девушкин номер, та сидела в нише окна и докрашивала ногти на левой руке.

Такие девушки совершенно ничего не станут бросать, если звонит телефон. У таких, судя по всему, телефон не умолкает с наступления половозрелости.

И вот телефон разрывался, а она подвела кисточку к ногтю мизинца и очертила контур лунки. После чего закрыла пузырек и, встав, помахала в воздухе левой – невысохшей – рукой, туда-сюда. Затем сухой рукой взяла из оконной ниши уже полную пепельницу и перенесла на тумбочку, где стоял телефон. Села на заправленную узкую кровать и – на пятом или шестом звонке – сняла трубку.

³ «Сакс Пятая Авеню» – американский элитный универсальный магазин, основан в 1898 г.

– Алло, – сказала она, отставив левую руку подальше от белого шелкового халата, который только на ней и был – да еще шлепанцы: кольца остались в ванной.

– Нью-Йорк вызывали, миссис Гласс? На про воде, – сказала телефонистка.

– Спасибо, – ответила девушка и пристроила пепельницу на тумбочке.

Пробился женский голос:

– Мюриэл? Ты?

Девушка слегка отвернула трубку от уха.

– Да, мама. Ты как? – ответила она.

– Я до смерти за тебя переживала. Ты почему не позвонила? У тебя все хорошо?

– Я пыталась дозвониться вчера вечером и позавчера. Здесь телефон...

– У тебя все хорошо, Мюриэл?

Девушка увеличила угол между ухом и трубкой.

– Все прекрасно. Только жарко. Такой жары у них во Флориде не бывало с...

– Ты почему не позвонила? Я до смерти за...

– Мама, дорогая моя, не ори на меня. Я прекрасно тебя слышу, – сказала девушка. – Вчера вечером я звонила дважды. Один раз прямо после...

– Я и отцу твоему сказала вчера вечером, что ты, наверное, позвонишь. Так нет же, он... У тебя все хорошо, Мюриэл? Скажи правду.

– У меня прекрасно. И хватит уже спрашивать.

– Вы когда доехали?

– Откуда я знаю? В среду утром, рано.

– Кто вел?

– Он, – ответила девушка. – И не дергайся. Вел он очень славно. Я даже поразилась.

– *Он* вел? Мюриэл, ты дала мне слово, что...

– Мама, – перебила девушка. – Я же говорю. Он вел машину *очень* славно. Вообще-то не больше пятидесяти всю дорогу.

– А с деревьями не глумил, как раньше?

– Я же *сказала*, мама, он очень славно вел. Ну пожалуйста. Я попросила его держаться поближе к белой полосе и все такое, и он меня понял и держался. На деревья даже старался не смотреть, я видела. Кстати, папа машину починил?

– Нет еще. Требуют четыреста долларов только за...

– Мама, Симор *сказал* папе, что заплатит за ремонт. Незачем...

– Ну, посмотрим. Как он держался – в машине, ну и в целом?

– Нормально, – ответила девушка.

– Обзывал тебя этой жуткой...

– Нет. У него теперь кое-что новенькое.

– Что?

– Ох, да какая *разница*, мама?

– Мюриэл, я хочу *знать*. Твой отец...

– Ладно, ладно. Он зовет меня мисс Духовная Гулёна-1948, – ответила девушка и хихикнула.

– Ничего смешного, Мюриэл. Совершенно ничего. Это кошмар. А вообще – *грустно*. Как подумаю, что...

– Мама, – перебила девушка. – Послушай меня. Помнишь книгу, которую он мне прислал из Германии? Ну эту – немецкие стихи. Куда я ее *задевала*? Ума не...

– Она где-то у тебя.

– *Точно?* – спросила девушка.

– Разумеется. То есть где-то у меня. В комнате у Фредди. Ты ее бросила тут, а у меня не было места в... А что? Она ему нужна?

– Нет. Но он про нее спрашивал, когда мы ехали. Прочла я или нет.

– Она же на немецком!

– Да, моя дорогая. Это без разницы. – Девушка закинула ногу на ногу. – Он говорит, стихи эти, оказывается, написал *единственный великий поэт нашей эпохи*. Говорит, надо было перевод купить или как-нибудь. Или *выучить язык*, если угодно.

– Кошмар. Кошмар. А вообще – *грустно*, вот что. Твой отец вчера вечером сказал...

– Секундочку, мама, – сказала девушка. Сходила к окну за сигаретами, закурила, вернулась к кровати. – Мама? – спросила она, выдыхая дым.

– Мюриэл. Так, послушай меня.

– Я слушаю.

– Твой отец разговаривал с доктором Сивецки.

– Так? – сказала девушка.

– Он *все* ему изложил. По крайней мере, мне он так сказал – ты же знаешь своего отца. Про деревья. Эту историю с окном. Весь этот кошмар, что он бабушке наговорил про ее виды на кончину. Что он сделал с этими славными снимками с Бермуд – *все*.

– И? – сказала девушка.

– И. Во-первых, тот ответил, что выпускать его из госпиталя – это было *преступление* армии, слово чести. Он весьма *определенно* сказал твоему отцу, что есть немалая возможность – очень *большая* возможность, как он сказал, – что Симор совершенно утратит контроль над собой. Даю слово чести.

– Здесь в отеле есть психиатр, – сказала девушка.

– *Кто?* Как его фамилия?

– Откуда я знаю? Ризер или как-то. Говорят, очень хороший.

– Никогда не слышала.

– Но он все равно, говорят, очень хороший.

– Мюриэл, пожалуйста, не хами. Мы за тебя *очень* переживаем. Вообще-то *вчера вечером* отец хотел вызвать тебя телеграммой дом...

– Мама, я сейчас домой не поеду. Так что успокойся.

– Мюриэл. Слово чести. Доктор Сивецки сказал, что Си-

мор может совершенно утратить кон...

– Я только что *приехала*, мама. Это у меня первый отпуск за много лет, и я не собираюсь все *упаковать* обратно и мчаться домой, – сказала девушка. – И я все равно сейчас дороги не перенесу. Я так обгорела, что хожу с трудом.

– Ты на солнце обгорела? Ты что, не мазалась этим «Бронзом», я же тебе положила? Я в сумку прямо...

– Мазалась. Но сгорела все равно.

– Кошмар. И где ты сгорела?

– Везде, дорогая моя, везде.

– Кошмар.

– Выживу.

– Скажи мне, а ты с этим психиатром говорила?

– Ну как бы, – ответила девушка.

– И что он сказал? Где был Симор, когда вы разговаривали?

– В Океанском салоне, на пианино играл. Он оба вечера, что мы тут были, играл.

– Ну, и что он сказал?

– Ой, да ничего такого. Сначала со мной сам заговорил. Я вчера вечером на бинго рядом с ним сидела, и он спросил, не муж ли это мой играет в соседнем зале на пианино. Я говорю, да, муж, а он спрашивает, он что, заболел. А я говорю...

– А почему он спросил?

– *Откуда я знаю*, мама? Наверное, Симор бледный такой, – сказала девушка. – В общем, после бинго они с женой

позвали меня выпить. Я и пошла. Жена у него просто жуть. Помнишь это кошмарное вечернее платье, мы его в витрине «Бонуита»⁴ видели? Ты про него еще сказала, что к нему нужно маленькую, просто крохотную...

– Зеленое?

– Вот в нем она и ходит. Там одни ляжки. Она у меня все спрашивала, не родственник ли Симор той Сюзанне Гласс, у которой магазин на Мэдисон-авеню, шляпный.

– Но что же он сказал? Врач.

– А. Ну, в общем, ничего такого. То есть мы же в баре сидели и прочее. Там жуткий шум.

– Да, но... но ты ему рассказала, что он пытался сделать с бабушкиным креслом?

– *Нет*, мама. Я не очень вдавалась в подробности, – ответила девушка. – Может, еще получится с ним поговорить. Он торчит в баре целыми днями.

– А он не сказал, возможно ли, чтобы... ну, ты понимаешь – он чудить, скажем, начал? С тобой что-нибудь сделал?!

– Вообще-то нет, – ответила девушка. – Ему нужно побольше фактов, мама. Им же про детство надо все вызнать – вот в этом смысле. Я же сказала, нам едва удалось вообще поговорить, такой там шум стоял.

– М-да. Как твое синее пальто?

– Нормально. Я часть набивки вытащила.

⁴ «Бонуит-Теллер» – элитный универсальный магазин, основанный Полом Бонуитом в 1895 г. Закрылся в начале 1980-х гг.

– А что *вообще* с одеждой в этом году?

– Жуть. Но инопланетная. В общем, сплошные блесстки, – сказала девушка.

– Как номер?

– Нормально. Но и *только*. Тот, что у нас до войны был, не дали, – сказала девушка. – Люди в этом году кошмарные. Ты бы видела, что с нами в ресторане сидит. За соседним столиком. Будто на самосвале приехали.

– Ну что, сейчас так повсюду. Как балерина?

– Слишком длинная. Я же *говорила*, она слишком длинная.

– Мюриэл, я только еще раз у тебя спрошу – с тобой правда все хорошо?

– *Да*, мама, – ответила девушка. – В девяностый раз.

– И ты не хочешь вернуться домой?

– *Нет*, мама.

– Твой отец вчера вечером сказал, что он с большой радостью заплатит, если ты поедешь куда-нибудь одна и все обдумаешь. Можно отправиться в очень славный круиз. Мы оба подумали...

– Нет, спасибо, – сказала девушка и сняла ногу с ноги. – Мама, этот звонок будет сто...

– Как вспомнишь, что ты *всю* войну этого мальчика ждала... то есть, как подумаешь про всех этих полоумных женушек, которые...

– Мама, – сказала девушка, – давай закругляться. А то

Симор зайдет.

– А он где?

– На пляже.

– На пляже? Без присмотра? Он хорошо себя ведет на пляже?

– Мама, – сказала девушка, – ты говоришь о нем так, словно он *буйный*...

– Ничего подобного я не говорила, Мюриэл.

– Ну, так это прозвучало. Он же там просто лежит. В халате даже.

– В халате? Почему?

– *Откуда я знаю?* Наверное, потому что бледный.

– Господи, да ему *нужно* солнце. А заставить, чтоб снял, нельзя?

– Ты же его знаешь, – ответила девушка и вновь скрестила ноги. – Говорит, не желает, чтобы все это дурачье пялилось на его татуировку.

– Но ведь у него нет никакой татуировки! Он что, в армии сделал?

– Нет, мама. Нет, дорогая моя. – Девушка встала. – Послушай, я, наверное, завтра тебе позвоню.

– Мюриэл. Так, послушай меня.

– Что, мама? – сказала девушка и переступила на правую ногу.

– Позвони мне, *как только* он сделает или *скажет* что-нибудь чудное – сама понимаешь. Ты меня слышишь?

– Мама, я Симора не боюсь.

– Мюриэл, я хочу, чтобы ты мне пообещала.

– Ладно, обещаю. До свиданья, мама, – сказала девушка. –

Папу целуй. – Она повесила трубку.

– Синь мой глаз, – говорила Сибил Карпентер – она жила в отеле с матерью. – Ты видала, где синь мой глаз?

– Киска, прекрати. Ты мамочку просто с ума сводишь. Сиди, пожалуйста, спокойно.

Миссис Карпентер мазала плечи Сибил маслом для загара, втирала его в хрупкие крылышки лопаток. Сибил шатко примостилась на огромном надувном мяче лицом к океану. На ней был купальник канареечного цвета – верхняя часть его девочке все равно не понадобилась бы еще лет девять-десять.

– Оказалось, обычный шелковый платок – вблизи очень хорошо было видно, – произнесла женщина в шезлонге рядом с миссис Карпентер. – Но вот как она его завязала? Такая прелесть.

– Похоже на то, – согласилась миссис Карпентер. – Сибил, *не дергайся*, котенок.

– Ты видала, где синь мой глаз? – спросила Сибил.

Миссис Карпентер вздохнула.

– Ну хорошо. – Она завернула колпачок на пузырьке масла. – Теперь беги играй, котенок. А мама пойдет в отель и выпьет мартини с миссис Хаббел. Принесу тебе оливку.

Очутившись на свободе, Сибил мигом помчалась к равнине пляжа и дальше, к Рыбацкому павильону. Остановилась только сунуть ногу в руины замка из мокрого песка, а вскоре и вообще оказалась за территорией для постояльцев.

Она прошла так с четверть мили, затем вдруг как-то боком понеслась по мягкому песку. И остановилась там, где лежал на спине молодой человек.

– Ты в воду пойдешь, синь мой глаз? – спросила она.

Молодой человек вздрогнул, правая рука его дернулась к отворотам махрового халата. Он перевернулся на живот, с глаз его спала колбаса полотенца, и он сощурился на Сибил.

– Эгей. Привет, Сибил.

– Ты в воду пойдешь?

– Я *тебя* ждал, – ответил молодой человек. – Что нового?

– Что? – спросила Сибил.

– Нового что? Что у нас в программе?

– Мой папа завтра прилетает на самом лёте, – ответила Сибил, пиная песок.

– Только мне в лицо не надо, детка, – сказал молодой человек, придерживав девочкину лодыжку. – Что ж, папе твоему уж давно пора объявиться. Я жду его с минуты на минуту. С минуты на минуту.

– А где дама? – спросила Сибил.

– Дама? – Молодой человек стряхнул песок с редких волос. – Трудно сказать, Сибил. Может оказаться где угодно – в тысяче мест. У парикмахера. Красить волосы в норковый

цвет. Или у себя в номере мастерить куклы для бедных детишек. – Растянувшись на животе, он поставил один кулак на другой, а сверху утвердил подбородок. – Спроси у меня еще что-нибудь, Сибил, – сказал он. – Отличный у тебя купальник. Синие мне особенно нравятся.

Сибил воззрилась на него, затем перевела взгляд на свой выпирающий животик.

– Он *желтый*, – сказала она. – Это *желтый*.

– Правда? Подойди-ка ближе.

Сибил шагнула вперед.

– Ты абсолютно права. Какой же я дурень.

– Ты в воду пойдешь? – спросила Сибил.

– Я всерьез над этим раздумываю. Очень много над этим думаю, Сибил, ты будешь рада, когда узнаешь.

Сибил потыкала ногой небольшой резиновый матрас, на который молодой человек иногда клал голову.

– Он *сдулся*, – сказала она.

– Ты права. Надуть его надо побольше, чем я готов. – Он убрал кулаки и уперся подбородком в песок. – Сибил, – сказал он. – Ты прекрасно выглядишь. Приятно тебя видеть. Расскажи мне о себе. – Молодой человек вытянул руки и взялся за девочкины лодыжки. – Я Козерог, – сказал он. – А ты?

– Шэрон Липшуц сказала, ты ей дал посидеть за пианино, – сказала Сибил.

– Шэрон Липшуц так говорила?

Сибил рьяно закивала.

Молодой человек отпустил ее лодыжки, подобрал руки и улегся лицом на правый согнутый локоть.

– Что ж, – сказал он, – ты же знаешь, как оно бывает, Сибил. Я сидел и играл. Тебя нигде не видно. Подошла Шэрон Липшуц и села рядом. Я же не мог ее столкнуть, правда?

– Мог.

– Нет-нет. Нет. Я не мог так поступить, – сказал молодой человек. – Но я тебе скажу, что я сделал.

– Что?

– Я сделал вид, что она – это ты.

Сибил тут же нагнулась и стала копать ямку в песке.

– Пошли в воду, – сказала она.

– Хорошо, – ответил молодой человек. – Кажется, у меня получится.

– А еще придет – ты ее столкни, – сказала Сибил.

– Кого столкнуть?

– Шэрон Липшуц.

– А-а, Шэрон Липшуц, – произнес молодой человек. – Все время слышу это имя. Смешивает желанья и память⁵. – Он вдруг поднялся во весь рост. Посмотрел на океан. – Сибил, – сказал он. – Я знаю, что мы сделаем. Мы поищем банабульку.

– Кого?

– Банабульку, – сказал он и развязал пояс халата. Потом

⁵ Строка из поэмы англо-американского поэта Томаса Стирнза Элиота (1888–1965) «Бесплодная земля» (1922), пер. Я. Пробштейна.

снял халат совсем. Плечи у него были бледные и узкие, а плавки – ярко-синие. Халат он сложил сначала вдоль, затем три раза поперек. Полотенце, раньше лежавшее у него на лице, он развернул, расстелил на песке, а сверху положил халат. Нагнулся, сунул матрас под правую руку. А левой взял за руку Сибил.

Вместе они направились к океану.

– Полагаю, в свое время ты повидала немало банабуллек, – сказал молодой человек.

Сибил помотала головой.

– Нет? Где ж ты *живешь* тогда?

– Не знаю, – ответила Сибил.

– Да знаешь. Должна же знать. Шэрон Липшуц вот *знает*, где живет, а *ей* всего *три с половиной года*.

Сибил резко остановилась и выдернула руку. Подобрала обычную морскую ракушку и с подчеркнутым интересом уставилась на нее. Потом выбросила.

– Корявая Роцца, Коннектикут, – произнесла она и зашагала дальше, выпятив животик.

– Корявая Роцца, Коннектикут, – повторил молодой человек. – А это, часом, не где-то рядом с Корявой Роццей, штат Коннектикут?

Сибил посмотрела на него.

– Я там и *живу*, – раздраженно сказала она. – Я и *живу* в Корявой Роцце, штат Коннектикут.

Она отбежала на несколько шагов вперед, ухватила левую

ногу левой рукой и еще пару-тройку шагов проскакала так.

– Ты себе не представляешь, насколько мне стало яснее, – сказал молодой человек.

Сибил отпустила ногу.

– А ты читал «Негритенка Самбо»?⁶ – спросила она.

– Забавно, что ты спросила, – ответил он. – Я как раз дочитал его вчера вечером. – Он нагнулся и снова взял девочку за руку. – И как тебе? – спросил он.

– А тигры там бегали совсем вокруг дерева?

– Я думал, вообще не перестанут. Столько тигров я никогда не видел.

– Там всего шесть было, – сказала Сибил.

– *Всего* шесть? – воскликнул молодой человек. – Ты считаешь, шесть – это *всего*?

– А тебе нравится воск? – спросила Сибил.

– Что мне нравится? – переспросил молодой человек.

– Воск.

– Очень. А тебе?

Сибил кивнула.

– А оливки нравятся? – спросила она.

– Оливки – да. Оливки и воск. Никуда без них не хожу.

– А Шэрон Липшуц тебе нравится? – спросила Сибил.

– Да. Да, нравится, – ответил молодой человек. – И осо-

⁶ «Негритенок Самбо» (1899) – книга шотландской детской писательницы Хелен Бэннерман (1862–1946). Ее главному герою приходится отдать одежду и обувь тиграм, но в конце ему удается их перехитрить.

бенно мне в ней нравится то, что она никогда не делает гадостей собачкам в вестибюле отеля. Тому комнатному бультерьеру, например, который живет с канадской дамой. Ты, может, мне и не поверишь, но *есть* такие девочки, которым нравится тыкать в эту собачонку палками от воздушных шариков. Шэрон так никогда не делает. Она всегда милая и добрая. Вот поэтому она мне так нравится.

Сибил молчала.

– А мне нравится свечки жевать, – наконец сказала она.

– Кому ж не нравится? – сказал молодой человек, ступая в воду. – Ой какая холодная. – Он бросил матрас на воду. – Нет, Сибил, погоди секундочку. Давай зайдем поглубже.

Они побрели дальше, пока вода не заплескалась у Сибил вокруг талии. Тогда молодой человек поднял девочку и уложил животом на матрас.

– Ты разве купальную шапочку не носишь? – спросил он.

– Не отпускай, – скомандовала Сибил. – Держи меня, ну.

– Мисс Карпентер. Прошу вас. Я знаю, что делаю, – сказал молодой человек. – Только не пропусти банабулек. Сегодня самый день для банабульки.

– Я ни одной не вижу, – сказала Сибил.

– Это понятно. Повадки у них *очень* причудливые. – Он толкал матрас дальше. Вода еще не поднялась ему до груди. – И жизнь весьма трагичная, – сказал он. – Ты знаешь, что они делают, Сибил?

Та покачала головой.

– Ну, они заплывают в норку, где лежит много бананов. Когда они туда всплывают, на вид они – очень обыкновенные рыбки. Но внутри они ведут себя как свинки. Да я вообще знал одну банабульку, которая заплыла так в бананорку и слопала целых семьдесят восемь бананов. – Он подтолкнул матрас с пассажиркой на фут ближе к горизонту. – Естественно, их внутри так разносит, что они уже не могут выбраться из норки. Не пролезают в дверь.

– Не очень далеко, – сказала Сибил. – И что с ними потом?

– С кем что потом?

– С банабулками.

– А, когда они налопаются бананов и не могут выплыть из бананорки?

– Да, – сказала Сибил.

– Ну, мне очень не хочется тебе говорить, Сибил. Они умирают.

– Почему? – спросила Сибил.

– Ну, на них нападает бананемочь. Ужасная болезнь.

– Вон ползет *волна*, – тревожно сказала Сибил.

– Мы не обратим на нее внимания. Мы ей покажем нос, – сказал молодой человек. – Как два задаваки. – Он взялся за лодыжки Сибил и нажал вниз и вперед. Матрас вспорол гребень волны. Светлые волосы Сибил окатило, но вопила она с удовольствием.

Рукою, когда матрас выровнялся, она откинула с глаз размазанную мокрую прядку и сообщила:

– Я только что видела.

– Кого видела, милая?

– Банабульку.

– Господи, не может быть! – сказал молодой человек. – А у нее во рту были бананы?

– Да, – сказала Сибил. – Шесть штук.

Молодой человек вдруг взял мокрую ногу Сибил, свисавшую с матраса, и поцеловал в стопу.

– Эй! – повернувшись, произнесла хозяйка ноги.

– Сама эй! Возвращаемся. Тебе уже хватит?

– Нет!

– Извини, – сказала он и стал толкать матрас к берегу, пока Сибил не сползла в воду. Оттуда уже молодой человек нес его в руках.

– Пока, – сказала Сибил и без сожалений побежала к отелю. Молодой человек надел халат, туго запахнул его, а полотенце сунул в карман. Подобрал скользко-мокрый громоздкий матрас, взял под мышку. В одиночестве побрел к отелю по мягкому горячему песку. В цоколе отеля, через который полагалось входить купальщикам, в лифт с молодым человеком зашла женщина: нос у нее был вымазан цинковой мазью.

– Я вижу, вы смотрите на мои пятки, – сказал молодой человек, когда кабина двинулась.

– Прошу прощения? – отозвалась женщина.

– Я сказал, вы смотрите на мои пятки.

– Прошу *прощения*. Вообще-то я смотрела в пол, – сказала

женщина и отвернулась от него к дверям.

– Если хотите смотреть на мои пятки, так и скажите, – произнес молодой человек. – Только, черт побери, не надо исподтишка.

– Дайте мне выйти, пожалуйста, – быстро сказала женщина молодой лифтерше.

Двери кабины открылись, и женщина выскочила, не оглянувшись.

– У меня две нормальные пятки, и я не вижу ни малейшего повода, черт побери, на них пялиться, – сказал молодой человек. – Пятый, прошу вас. – Из кармана халата он достал ключ.

Он вышел на пятом этаже, прошагал по коридору и открыл дверь номера 507. В комнате пахло новыми чемоданами из телячьей кожи и ацетоном.

Он глянул на девушку, спавшую на узкой кровати. Затем подошел к чемодану, открыл его, из-под груды трусов и маек вытащил автоматический «Ортгис» калибра 7,65⁷. Отщелкнул обойму, осмотрел, вставил на место. Взвел курок. Затем перешел к пустой кровати и сел, посмотрел на девушку, поднес пистолет и выпустил пулю себе в правый висок.

⁷ «Ортгис» – немецкий пистолет, разработанный конструктором Генрихом Ортгисом, выпускался с 1920-х годов компанией «Дейче Верке». Во время Второй мировой войны считался популярным трофеем у американских солдат.

Дядюшка Хромоног в Коннектикуте

Когда Мэри Джейн наконец отыскала Элоизин дом, было уже почти три. Элоизе, вышедшей на дорожку встречать, Мэри Джейн объяснила, что все было совершенно *изумительно*, она *досконально* помнила дорогу, пока не свернула с Меррик-паркуэй. Элоиза сказала:

– *Мерритт*-паркуэй, голубушка, – и напомнила Мэри Джейн, что та уже дважды находила дом, но Мэри Джейн возопила – что-то не однозначное, про коробку «клинексов» – и бросилась к своей машине с откидным верхом. Элоиза задрала воротник верблюжьего пальто, повернулась к ветру спиной и стала ждать. Мэри Джейн вернулась через минуту, вытираясь листиком «клинекса», но по-прежнему размазанная и даже испачканная. Элоиза бодро сообщила, что обед к чертовой матери сторел – и «сладкое мясо», и все, – но Мэри Джейн сказала, что все равно поела в дороге. По пути к дому Элоиза спросила, как так вышло, что у Мэри Джейн выходной. Та ответила, что у нее не *целый* день выходной; просто у мистера Вайинбёрга грыжа, и он сидит дома в Ларчмонте, а ей нужно доставлять ему почту и записывать каждый день письмо-другое.

– А что это *вообще* такое, грыжа? – спросила она.

Элоиза, бросив сигарету на грязный снег под ногами, ответила, что не знает *точно*, однако Мэри Джейн переживает зря – у нее такой все равно не будет. Подруга ответила:

– А, – и обе вошли в дом.

Через двадцать минут они допивали в гостиной первые «хай-болы» и общались в манере, свойственной бывшим соседкам по студенческому общежитию, а возможно – этим соседством и ограниченной. Но их связывало и кое-что покрепче – ни та, ни другая колледж не закончили. Элоиза ушла на втором курсе в 1942-м, через неделю после того, как ее застукали с солдатом в закрытом лифте на третьем этаже общежития. Мэри Джейн – на том же курсе, в той же группе, чуть ли не в тот же месяц – бросила учебу, чтобы выйти замуж за курсанта-летчика, расквартированного в Джексонвилле, Флорида, – поджарого паренька из какого-то Укропа, штат Миссисипи, он просто бредил самолетами и два из трех месяцев своей семейной жизни с Мэри Джейн провел на гауптвахте за то, что ткнул ножом военного полицейского.

– Нет, – говорила Элоиза. – На самом деле, в *рыжий*. – Она растянулась на кушетке, скрестив худые, но очень симпатичные ноги в лодыжках.

– А я слыхала, в блондинку, – повторила Мэри Джейн. Она сидела на синем стуле. – Эта, как бишь ее, клялась и божилась, что в блондинку.

– Не-а. Точно тебе говорю. – Элоиза зевнула. – Я чуть ли не в *комнате* с ней была, когда она красилась. Что такое?

Сигарет больше нет?

– Да ничего. У меня еще целая пачка, – ответила Мэри Джейн. – Где-то. – Она порылась в сумочке.

– Горничная дурища, – сказала Элоиза, не поднимаясь с кушетки. – Я час назад два блока ей под самый нос сунула. Так она в любую минуту сейчас может зайти и спросить, что с ними делать. Черт, о чем я?

– Тьеренджер, – подсказала Мэри Джейн, закуривая свою.

– А, ну да. Я точно помню. Она покрасилась вечером, перед самой свадьбой с этим Фрэнком Хэнком. Помнишь его?

– Смутно. Такой недомерок-рядовой? Ужасно несимпатичный.

– Несимпатичный. Господи! Да он смахивал на чумазого Белу Лугоши⁸.

Мэри Джейн откинула голову и захохотала.

– Великолепно, – сказала она, возвращаясь в позу, пригодную для питья.

– Давай стакан. – Элоиза скинула ноги в чулках с кушетки и встала. – Честно, вот *дурища*. Я разве что Лью к ней в постель не подкладывала, чтоб она согласилась с нами сюда приехать. Ты уж прости, что я... А эта штучка у тебя откуда?

– *Эта?* – Мэри Джейн тронула камею на шее. – Ох господи, она у меня еще со школы. Мамина.

⁸ Бела Лугоши (Бела Бласко, 1882–1956) – американский кино- и театральный актер венгерского происхождения, прославился в роли графа Дракулы; играл преимущественно зловещих негодяев.

– Господи, – сказала Элоиза, беря пустые стаканы. – А мне вот носить совершенно нечего. Если мамаша Лью когда-нибудь помрет – ха-ха, – мне от нее достанется, наверное, какой-нибудь пестик для льда с монограммой.

– Ты с ней теперь как?

– Не смей меня, – ответила Элоиза по пути на кухню.

– Мне совсем последний, – крикнула ей вслед Мэри Джейн.

– Черта лысого. *Кто к кому* в гости приехал? И кто на два часа опоздал? Будешь торчать тут, пока не опротивеешь. И ну ее к черту, твою паршивую карьеру.

Мэри Джейн снова откинула голову и захохотала, но Элоиза уже скрылась в кухне.

Одной в комнате заняться было нечем, и Мэри Джейн встала и подошла к окну. Отодвинула штору и уперлась запястьем в переплет, но, ощутив на коже грязь, отняла руку, вытерла ее и распрямилась. На улице зримо подмерзала слякоть. Мэри Джейн отпустила штору и мимо двух набитых книгами шкафов вернулась к синему стулу, даже не глянув на корешки. Уселась, раскрыла сумочку и в зеркальце осмотрела зубы. Сомкнула губы, с нажимом провела языком по верхним зубам и посмотрела еще раз.

– Снаружи такой *лед*, – сказала она, оборачиваясь. – Господи, ну ты быстрая. Содовой не доливала?

Элоиза с полными стаканами замерла. Оттопырила указательные пальцы, точно стволы пистолетов, и сказала:

– Всем стоять. Вы окружены к чертовой матери.

Мэри Джейн расхохоталась и убрала зеркальце.

Элоиза подошла ближе. Стакан для Мэри Джейн шатко утвердила на картонке, а свой не поставила. Снова растянута на кушетке.

– И что, по-твоему, она там делает? – спросила она. – Сидит на своей жирной черной заднице, читает «Мантию»⁹. Я уронила формочки со льдом, когда вытаскивала. Она с таким раздражением на меня посмотрела.

– Мне больше не надо. Я серьезно. – Мэри Джейн взяла стакан. – Ой, послушай! Знаешь, кого я видела на той неделе? В главном зале «Лорд-энд-Тэйлорз»?¹⁰

– Не-а, – ответила Элоиза, поправляя под головой подушку. – Акима Тамироффа¹¹.

– Кого? – спросила Мэри Джейн. – Это кто?

– Аким Тамирофф. В кино снимается. Всегда говорит: «Ви силно пашутили – ха?» Ужасно его люблю... Что ж такое, в этом чертовом доме нет ни одной приличной подушки. И кого ты видела?

– Джексон. Она...

– Которую?

⁹ «Мантия» (1942) – исторический роман американского писателя Ллойда Кэссела Дугласа (1877–1951) о том, как подействовало на людей распятие Христа.

¹⁰ «Лорд-энд-Тэйлорз» – старейший элитный универсальный магазин в США, основан в 1826 г.

¹¹ Аким Тамирофф (1899–1972) – американский характерный киноактер армянского происхождения, до конца своей карьеры не избавился от акцента.

– Откуда я знаю? Ту, что у нас на психологии сидела.

– Они обе у нас на психологии сидели.

– Так. Ту, у которой здоровские...

– Марша Луиза. Я тоже с ней как-то столкнулась. Она тебе все уши оттоптала?

– Ой господи, да. Но знаешь, что говорит? Доктор Уайтинг умерла. Говорит, получила письмо от Барбары Хилл, и та сказала, что у Уайтинг прошлым летом обнаружили рак и она взяла и умерла. Весила всего шестьдесят два фунта. Когда умерла. Кошмар, правда?

– Нет.

– Элоиза, ты стала такая черствая.

– Угу. Что еще сказала?

– Ну, что она только из Европы. Муж у нее стоял в Германии или где-то, и она была с ним. Дом в сорок семь комнат, и жили там только еще одна пара и штук десять слуг. У нее была своя лошадь, а конюх, который у них работал, раньше служил каким-то личным берейтором Гитлера. Ой, и еще она мне стала рассказывать, как ее чуть не изнасиловал цветной солдат. Прямо посреди главного торгового зала «Лорд-энд-Тэйлорз» как давай мне об этом – ты же знаешь Джексон. Говорит, шофер мужа, вез ее однажды утром на рынок или куда-то там. Говорит, так струсила, что даже не...

– Погоди секундочку. – Элоиза подняла голову и крикнула: – Это ты, Рамона?

– Да, – ответил детский голосок.

– Закрой за собой, пожалуйста, дверь, – сказала Элоиза.

– Это Рамона? Ой, до смерти хочу ее увидеть. Представ-
ляешь, я же ее не видела с тех пор, как у нее...

– Рамона, – крикнула, закрыв глаза, Элоиза. – Зайди на
кухню, пусть Грейс тебе галоши снимет.

– Иду, – ответила девочка. – Пошли, Джимми.

– Ой, я просто до смерти хочу ее увидеть, – сказала Мэри
Джейн. – Ой *господи!* Ты посмотри, что я наделала. Я ужасно
извиняюсь, Эл.

– Оставь. *Оставь*, говорю, – сказала Элоиза. – Я этот чер-
тов ковер все равно терпеть не могу. Я тебе еще принесу.

– Нет, смотри – у меня еще больше половины! – Мэри
Джейн показала ей стакан.

– Точно? – спросила Элоиза. – Дай-ка сигаретку.

Мэри Джейн протянула свою пачку:

– Ой, просто до смерти хочу ее увидеть. На кого она сей-
час похожа?

Элоиза чиркнула спичкой.

– На Акима Тамироффа.

– Нет, серьезно.

– На Лью. Она похожа на Лью. Когда его мамаша приез-
жает, они все смахивают на тройняшек. – Не вставая, Элоиза
дотянулась до стопки пепельниц на дальнем краю журналь-
ного столика. Ей удалось поднять верхнюю и переставить се-
бе на живот. – Мне нужен кокер-спаниель или кто-нибудь, –
сказала она. – Чтобы смахивал на меня.

– Как у нее с глазами? – спросила Мэри Джейн. – В смысле, не хуже, а?

– Господи! Да вроде нет.

– Она без очков вообще видит? В смысле, если ей ночью в туалет надо встать или еще зачем?

– Она никому не говорит. Вся из себя такая таинственная. Мэри Джейн повернулась на стуле.

– Ну, здравствуй, Рамона! – сказала она. – Ой какое красивое платье! – Она отставила стакан. – Ты, наверное, меня уже не помнишь, Рамона.

– Конечно, помнит. Кто это, Рамона?

– Мэри Джейн, – ответила Рамона и почесалась.

– Великолепно! – сказала Мэри Джейн. – Рамона, ты не чмокнешь меня в щечку?

– Прекрати, – сказала Рамоне Элоиза.

Рамона перестала чесаться.

– Ты не чмокнешь меня в щечку, Рамона? – снова спросила Мэри Джейн.

– Я не люблю никого чмокать.

Элоиза фыркнула и спросила:

– А где Джимми?

– Тут.

– Кто это – Джимми? – спросила Мэри Джейн у Элоизы.

– Ох господи. Это ее ухажер. Ходит за ней хвостиком. Делает то же самое. И все с большой помпой.

– Правда? – восторженно вскрикнула Мэри Джейн и по-

далась вперед. – У тебя есть ухажер, Рамона?

Глаза девочки за толстыми очками не отразили ни капли воодушевления Мэри Джейн.

– Мэри Джейн задала тебе вопрос, Рамона, – сказала Элоиза.

Рамона сунула палец в нос-кнопку.

– Прекрати, – сказала Элоиза. – Мэри Джейн спросила, есть ли у тебя ухажер.

– Да, – ответила Рамона, не отвлекаясь от носа.

– Рамона, – сказала Элоиза. – Перестань. Сию секунду.

Рамона опустила руку.

– Ну, по-моему, просто чудо, – сказала Мэри Джейн. – Как его зовут? Ты мне скажешь, Рамона? Или это большая тайна?

– Джимми, – ответила Рамона.

– Джимми? Ой, я обожаю имя Джимми! Просто Джимми, Рамона?

– Джимми Джиммерино, – ответила Рамона.

– Стой спокойно, – сказала Элоиза.

– Да! Вот так имечко. И где сейчас Джимми? Ты мне скажешь, Рамона?

– Тут, – ответила Рамона.

Мэри Джейн огляделась, потом перевела взгляд на Рамену, улыбаясь как можно шире.

– Где – тут, лапуся?

– *Тут*, – ответила Рамона. – Я держу его за *руку*.

– Не понимаю, – сказала Мэри Джейн Элоизе, которая

как раз допивала.

– А что ты на *меня* смотришь? – ответила та.

Мэри Джейн снова перевела взгляд на Рамону.

– Ой, я *догадалась*. Джимми – это невидимый дружок. Великолепно. – Мэри Джейн участливо подалась вперед. – Ну *здравствуй*, Джимми.

– Он с тобой не будет разговаривать, – сказала Элоиза. – Рамона, расскажи Мэри Джейн про Джимми.

– *Что* рассказать?

– Встань ровно, пожалуйста... Расскажи ей, как он выглядит.

– У него зеленые глаза и черные волосы.

– А еще?

– Нету мамы и папы.

– А еще?

– И веснушек нету.

– А еще?

– Есть сабля.

– А еще?

– Не знаю, – ответила Рамона и снова принялась чесаться.

– Какой красивый! – сказала Мэри Джейн и подалась еще ближе. – Рамона. Скажи мне. А *Джимми* снял галоши, когда вы в дом вошли?

– У него сапоги, – ответила Рамона.

– Великолепно, – сказала Мэри Джейн Элоизе.

– Не то слово. Я целыми днями это слышу. Джимми с ней

ест. Купается с ней. Спит с ней. Она в постели на самый край сползает, чтоб ненароком его не задеть, если будет ворочаться.

Мэри Джейн все эти сведения, похоже, так увлекли и восхитили, что она прикусила нижнюю губу – затем отпустила и спросила:

– А откуда у него такое имя?

– Джимми Джиммирино? Бог его знает.

– Может, так мальчика по соседству зовут?

Зевнув, Элоиза покачала головой:

– По соседству нет никаких мальчиков. Здесь вообще детей нет. Меня зовут Тучной Кучей за гла...

– Мама, – сказала Рамона, – а можно, я еще погуляю?

Элоиза посмотрела на нее.

– Ты только что пришла, – сказала она.

– Джимми опять хочет на улицу.

– Интересно знать зачем?

– Забыл саблю.

– Ох, опять он со своей чертовой саблей, – сказала Элоиза. – Ладно. Иди. Галоши не забудь надеть.

– Дай я возьму? – спросила Рамона, извлекая из пепельницы обгоревшую спичку.

– *Можно* мне взять. Можно. Не бегай, пожалуйста, на дорогу.

– До свидания, Рамона! – пропела Мэри Джейн.

– Пока, – ответила девочка. – Пошли, Джимми.

Элоиза вдруг вскочила.

– Давай стакан, – сказала она.

– Нет, честно, Эл. Я должна быть в *Ларчмонте*. Мистер Вайнберг – он же такой милый, не хочется...

– Позвони и скажи, что тебя убили. Да отпусти ты этот чертов стакан.

– Нет же, честно, Эл. Там уже так *подморозило*, что просто ужас. А у меня в машине антифриза почти нет. То есть, если я не...

– Так и пускай морозит. Иди и звони. Скажи, что умерла, – сказала Элоиза. – Давай сюда.

– Ну-у... Где телефон?

– Он отправился, – ответила Элоиза, унося пустые стаканы в столовую, – сюда. – Она резко остановилась на половице между гостиной и столовой и крутнула бедрами. Мэри Джейн хихикнула.

– То есть ты же не *знала* Уолта на самом деле, – говорила Элоиза без четверти пять, лежа на полу и утвердив стакан на маленькой груди. – Из всех знакомых мальчиков он один меня смешил. То есть смешил по *правде*. – Она посмотрела на Мэри Джейн. – Помнишь тот вечер – в наш последний год, – когда эта чокнутая Луиза Хермансон ворвалась к нам в таком черном лифчике – в Чикаго купила?

Мэри Джейн хихикнула.

Она лежала на кушетке ничком, упершись подбородком

в подлокотник, лицом к Элоизе. Стакан ее стоял на полу – только руку протяни.

– Вот *так* вот он меня смешил, – сказала Элоиза. – Когда разговаривал со мной. Даже по телефону. Даже в письмах. А лучше всего, что он даже не острил никак специально – он просто *был* смешной. – Она слегка повернула голову к Мэри Джейн. – Эй, не кинешь мне сигаретку?

– Я не достану, – ответила Мэри Джейн.

– Вот коза. – Элоиза снова перевела взгляд на потолок. – Однажды, – сказала она, – я упала. Обычно я его на автобусной остановке ждала, прямо возле армейского магазина, и как-то раз он опоздал, автобус уже поехал. Мы побежали, я упала и ногу подвернула. Он тогда говорит: «Бедный Дядюшка Хромоног»¹². Это он так про мою ногу. Бедный Дядюшка Хромоног, говорит... Господи, какой он был симпатичный.

– А у Лью нет чувства юмора? – спросила Мэри Джейн.

– Что?

– У Лью разве нет чувства юмора?

– Ох господи. Кто ж его знает? Есть. Наверное. Ну, над комиксами он смеется. – Элоиза подняла голову, сняла с груди стакан и отпила.

– Ну что, – сказала Мэри Джейн. – Это еще не все. В смыс-

¹² Дядюшка Хромоног Длинноух – герой 79 книг американского детского писателя Ховарда Роджера Гэриса (1873–1962), пожилой обаятельный кролик, страдающий ревматизмом.

ле, это же еще не все.

– Что не все?

– Ой... ну как бы. Смешочки и прочее.

– Кто сказал? – ответила Элоиза. – Слушай, если ты не в монастырь подалась какой-нибудь, не грех и посмеяться.

Мэри Джейн хихикнула.

– Ты уж-жасная, – сказала она.

– Ах, господи, какой же он симпатичный был, – сказала Элоиза. – Или смешной, или симпатичный. Не по-мальчишески такой симпатичный. По-особому. Знаешь, что он как-то раз сделал?

– Не-а, – ответила Мэри Джейн.

– Мы в поезде ехали из Трентона в Нью-Йорк – сразу как его призвали. В вагоне было холодно, и я нас обоих своим пальто как бы накрыла. А под низом у меня, помню, был кардиган Джойс Морроу – помнишь, синенький такой у нее был, славный?

Мэри Джейн кивнула, но Элоиза все равно не посмотрела.

– Ну и вот, его рука у меня как бы на животе лежала. Ну, в общем. И вот ни с того ни с сего он говорит, дескать, у меня живот такой прекрасный, что хорошо бы сейчас зашел какой-нибудь офицер и приказал ему другой рукой стекло в окне выбить. Мол, хочет, чтобы все по-честному. А потом руку убрал и говорит проводнику, чтобы не сутулился. Говорит, больше всего терпеть не могу, если человек своим мундиром не гордится. А проводник такой: ложись-ка ты спать

дальше. – Элоиза ненадолго задумалась, потом сказала: – И дело-то не в том, что он всегда говорил, а как. Понимаешь, да?

– А ты Лью про него рассказывала – в смысле, вообще?

– Ох, – ответила Элоиза. – Как-то раз начала. А он сразу спросил, в каком тот был звании.

– И в каком?

– Ха! – сказала Элоиза.

– Нет, я просто...

Элоиза вдруг расхохоталась – эдак утробно.

– Знаешь, что он еще как-то раз сказал? Говорит, такое чувство, что он в армии растет, но в какую-то другую сторону. Когда первое звание дадут, говорит, ему не лычки выпишут, а рукава отрежут. Дорастет до генерала, говорит, и будет ходить голый. Только пехотная пуговка в пупке. – Элоиза посмотрела на Мэри Джейн – та не смеялась. – Что, не смешно?

– Смешно. Только все равно – чего б тебе не рассказать про него Лью как-нибудь, а?

– Чего? Он слишком недалекий, вот чего, – ответила Элоиза. – И еще. Послушай-ка меня, самостоятельная девушка. Если еще раз когда-нибудь выйдешь замуж, не вздумай рассказывать мужу вообще ничего. Ты меня слышишь?

– Почему? – спросила Мэри Джейн.

– Потому что я так сказала, вот почему, – ответила Элоиза. – Им нравится думать, что ты всю жизнь только и делала,

что блевала, как только к тебе мальчик подойдет. Я не шучу, заметь. Нет, рассказывать-то им можно что-нибудь. Только не по правде. Только не *правду*, в смысле. Если расскажешь им, что была знакома с приятным мальчиком, надо тут же сказать, что он был *приторный*. А если скажешь, что знала остроумного, тут же говори, что он был какой-нибудь остряк-самоучка или умник. А если не *скажешь* так, они тебя этим мальчиком твоим будут по башке лупить всякий раз. – Элоиза умолкла, отпила из стакана и поразмыслила. – Ох, – сказала она, – слушать они будут, конечно, очень *зрело* и всяко-разно. И даже выглядеть при этом умно как черти. Но пускай тебя это не обманывает. Поверь мне. У тебя не жизнь начнется, а сущий *ад*, если ты когда-нибудь признаешь в них хоть какие-нибудь мозги. Слово тебе даю.

Мэри Джейн уныло оторвала подбородок от подлокотника. Для разнообразия оперлась им на руку. Подумала над советом.

– Нельзя же сказать, что Лью не умный, – сказала она вслух.

– *Кому* нельзя?

– В смысле, он же умный, нет? – простодушно уточнила Мэри Джейн.

– Ох, – сказала Элоиза, – да что проку разговаривать? Давай не будем, а? Я на тебя одну тоску навожу. Заткни мне рот.

– А чего тогда ты за него пошла? – спросила Мэри Джейн.

– Ох господи! Да не знаю я. Он сказал, что любит Джейн Остен¹³. Сказал, что ее книги для него много значат. Вот так он мне и сказал. А после свадьбы я выяснила, что ни *одной* ее книги он не прочел. Знаешь, кто у него любимый писатель?

Мэри Джейн покачала головой.

– Л. Мэннинг Вайнз. Слыхала?

– Не-а.

– И я не слыхала. И никто не слыхал. Написал книгу о том, как четверо померли с голоду на Аляске. Лью не помнит, как она называлась, но говорит, *написана* она была прекраснее всего, что он только читал. *Господи!* Ему даже не хватает честности просто взять и сказать, что ему понравилось, потому что там про четверых мужиков, которые померли с голоду в каком-то иглу. Обязательно нужно говорить, что она прекрасно *написана*.

– Ты слишком придираешься, – сказала Мэри Джейн. – То есть слишком к нему строга. Может, она и *хорошая*...

– Поверь мне на слово – не может она быть хорошей, – ответила Элоиза. Поразмыслила и добавила: – У тебя, по крайней мере, есть работа. В смысле, ты, по крайней мере...

– Но послушай, – перебила ее Мэри Джейн. – А ты ему хоть когда-нибудь скажешь, что Уолт вообще погиб? В смысле, он же не станет ревновать, если выяснится, что Уолт – ну, понимаешь? Погиб и все такое.

¹³ Джейн Остен (1775–1817) – классик английской литературы, считается родоначальницей женского и бытописательного романа.

– Ох, солнышко! Бедная невинная самостоятельная девушка, – сказала Элоиза. – Да будет еще хуже. Да он же станет *изувером*. Слушай. Он знает только, что я когда-то ходила с парнем по имени Уолт – с каким-то *остряком* армейским. Я ни за что не скажу ему, что парня убили. Ни за какие коврижки. А если да – ни за что не скажу, но вдруг, – если вдруг *да*, я скажу, что погиб он на фронте.

Мэри Джейн поерзала подбородком по руке.

– Эл... – произнесла она.

– А?

– А расскажи мне, как его убили? *Клянусь*, я никому ни слова. Честно. Пожалуйста.

– Нет.

– Прошу тебя. Честно. Никому не скажу.

Элоиза допила и водрузила пустой стакан себе на грудь.

– Ты скажешь Акиму Тамироффу.

– Нет, не скажу. В смысле, я ни одной живой...

– Ох, – произнесла Элоиза. – Его полк где-то отдыхал.

Между боями какими-то, мне его друг потом написал. Уолт и еще какой-то мальчишка паковали такую японскую печку. Какой-то полковник хотел ее домой отправить. Или они ее вытаскивали из упаковки, чтобы снова завернуть, я толком не знаю. В общем, в ней было полно бензина и еще какой-то дряни, и она у них в руках взорвалась. Второму мальчишке только глаз выбило. – Элоиза хлопнула носом. И покрепче сжала стакан на груди, чтобы не упал.

Мэри Джейн соскользнула с кушетки, на коленях проползла три шага к Элоизе и принялась гладить ее по лбу.

– Не плачь, Эл. Не плачь.

– А кто плачет? – сказала Элоиза.

– Я знаю, но все равно не надо. В смысле, не стоит оно того, и все такое.

Открылась входная дверь.

– Рамона вернулась, – гнусаво произнесла Элоиза. – Сделай доброе дело. Сходи на кухню и скажи этой, чтобы ее раньше покормила. Сможешь?

– Ладно, если дашь слово, что не будешь плакать.

– Даю. Иди. Мне сейчас только на кухню не хватало.

Мэри Джейн встала, покачнулась, но устояла и вышла из комнаты.

Вернулась она, не прошло и двух минут, и перед ней бежала Рамона. Изо всех сил шлепая ногами, чтобы расхлябанные галоши хлопали громче.

– Не дает мне снять галоши, – пожаловалась Мэри Джейн.

Элоиза, по-прежнему лежа на спине, вытирала лицо. С Рамоной она заговорила в платок:

– Выйди и скажи Грейс, чтобы сняла с тебя галоши. Ты же знаешь, не полагается входить в них в...

– Она в туалете, – ответила Рамона.

Элоиза отняла от лица платок и приподнялась на локте.

– Давай мне ногу, – сказала она. – Сначала, пожалуйста, сядь. Не *туда* – *сюда*. Боже!

Опустившись на колени и нашаривая под столом сигареты, Мэри Джейн сказала:

– Эй. А угадай, куда девался Джимми?

– Без понятия. Другую ногу давай. *Другую.*

– Его переехало машиной, – сказала Мэри Джейн. – Какая трагедия, правда?

– Я видела Прыгунка с косточкой, – сообщила Рамона Элоизе.

– А что случилось с Джимми? – спросила та.

– Его переехало, и он убился. Я видела Прыгунка с косточкой, и он не хотел...

– Дай-ка мне лобик на секунду, – сказала Элоиза. Пощупала девочке лоб. – Температура немножко поднялась. Иди скажи Грейс, чтобы ужин тебе наверх дала. И сразу в постель. Я потом зайду. Иди уже, пожалуйста, а? И *это* с собой заberi.

Рамона медленно вышла из комнаты гигантскими шагами.

– Кинь мне, – сказала Элоиза Мэри Джейн. – Давай еще хлопнем.

Мэри Джейн принесла Элоизе сигарету.

– Ты смотри, а? Про Джимми? Какая у нее фантазия!

– Ну да. Сходи еще налей, а? И бутылку принеси... Не хочу я выходить. Весь дом провонял апельсиновым соком к чертовой матери.

Телефон зазвонил в пять минут восьмого. Элоиза встала

из оконной ниши и в темноте стала нашаривать туфли. Те никак не находились. В одних чулках она пошла к телефону – уверенно, почти плавно. Звонки не потревожили Мэри Джейн, которая спала ничком на кушетке.

– Алло, – произнесла Элоиза в трубку, не зажигая верхнего света. – Послушай, я не могу тебя встретить. У меня Мэри Джейн. Она машину поставила прямо перед моей, а ключ найти не получается. Я не могу выехать. Мы уже минут двадцать его искали в этом, как его – в снегу каком-то. Может, тебя Дик с Милдред подвезут. – Она послушала. – Ох. Ну что, очень жаль, малыш. Ну собрались бы всем взводом и пошли маршем по домам? Ать-два, левой-правой, ура. Ты можешь командовать. – Опять послушала. – Я не издеваюсь, – сказала она. – Честно. У меня просто лицо такое. – Она повесила трубку.

Уже не так уверенно она вернулась в гостиную. У окна вылила себе в стакан остатки скотча из бутылки. Получилось где-то с палец. Выпила, содрогнулась и села.

Грейс включила свет в столовой, и Элоиза встрепенулась. Не вставая, окликнула:

– До восьми лучше не накрывайте, Грейс. Мистер Уэнглер немного задерживается.

Грейс возникла в прямоугольнике света из столовой, но заходить не стала.

– Леди уехала? – спросила она.

– Она отдыхает.

– А, – сказала Грейс. – Миз Уэнглер, я спросить хотела – ничего, если муж мой тут на вечер останется? У меня в комнате полно места, а в Нью-Йорк ему надо только утром, а на улице так *гадко*.

– Ваш муж? Где он?

– Ну, прямо сейчас, – ответила Грейс, – он на кухне.

– Что ж, боюсь, ночевать тут ему нельзя, Грейс.

– Мэм?

– Говорю, боюсь, что остаться на ночь ему нельзя. У меня тут не постоянный двор.

Грейс миг постояла, затем произнесла:

– Хорошо, мэм, – и ушла в кухню.

Элоиза вышла из гостиной и поднялась по лестнице, очень слабо залитой отсветом из столовой.

На площадке валялась галоша Рамоны. Элоиза подняла ее и со всего размаху швырнула вниз за перила; та свирепо ударилась об пол прихожей.

В комнате Рамоны Элоиза щелкнула выключателем и вцепилась в него, едва на нем не повиснув. Какой-то миг постояла неподвижно, глядя на девочку. Затем отпустила выключатель и быстро подошла к постели.

– Рамона. Проснись. *Просытайся*.

Рамона спала на самом краю, и правая сторона попы свешивалась. Очки лежали на тумбочке с Утенком Доналдом – аккуратно сложенные, дужками вниз.

– *Рамона!*

Ребенок проснулся с резким вздохом. Глаза распахнулись, но девочка сразу сощурилась.

– Мамочка?

– Ты же мне сказала, Джимми Джиммирино переехало машиной и он убился.

– Что?

– Ты меня слышала, – сказала Элоиза. – Почему ты спишь здесь?

– Потому что, – ответила Рамона.

– Почему – потому что, Рамона, не заставляй меня...

– Потому что я не хочу прищемить Мики.

– *Кого?*

– Мики, – сказала Рамона и потерла нос. – Мики Микеранно.

Голос Элоизы сорвался на визг:

– Передвинься на середину. *Сейчас же.*

Перепугавшись, Рамона только смотрела на мать.

– Ну хорошо. – Элоиза схватила ее за лодыжки и, чуть приподняв, перетащила на середину кровати. Рамона не сопротивлялась и не кричала: она дала себя перетащить, на самом деле не подчинившись.

– Теперь спи, – тяжело дыша, произнесла Элоиза. – Закрывай глаза... ты слышала, что я сказала, *закрывай.*

Рамона закрыла глаза.

Элоиза подошла к выключателю и погасила свет. Но еще долго стояла она в дверях. Потом вдруг в темноте кинулась

к тумбочке, ударившись коленом об изножье кровати, но в пылу толком не почувствовала боли. Она схватила очки Рамоны и обеими руками прижала к щеке. Слезы катились по лицу и мочили стекла.

– Бедный Дядюшка Хромоног, – твердила она. Наконец положила очки на тумбочку – стеклами вниз.

Затем нагнулась, покачнулась и стала подтыкать одеяло. Рамона не спала. Она плакала – и уже давно. Элоиза влажно чмокнула девочку в губы, смахнула с ее глаз волосы и вышла.

Спустилась она, уже шатаясь, и разбудила Мэри Джейн.

– *Чёткое?* Кто? А? – забормотала Мэри Джейн, подсакивая на кушетке.

– Мэри Джейн. Послушай. Прошу тебя, – всхлипывала Элоиза. – Помнишь наш первый курс, у меня еще было платье, коричневое с желтым, я его в Бойси купила, а Мириам Болл сказала, что в Нью-Йорке такие не носят, и я весь вечер ревела? – Элоиза трясла Мэри Джейн за руку. – Я же была симпатичная девочка, – умоляла она. – Правда?

На пороге войны с эскимосами

Пять суббот подряд по ут рам на «Кортах Ист-Сайда» Джинни Мэннокс играла в теннис с Селеной Графф, своей одноклассницей из школы мисс Бэйсхор. Джинни и не скрывала, что считает Селену величайшей занудой у мисс Бэйсхор – в школе, просто кишмя кишевшей отменными занудами, – но в то же время никто не мог сравниться с Селеной в поставках новых банок теннисных мячей. Ее папаша эти мячи делал, что ли. (Как-то за ужином в назидание всему семейству Мэнноксов Джинни изобразила, как протекает ужин у Граффов: вышколенный лакей обносит всех и подает каждому слева не стаканы томатного сока, а банки с мячами.)

Только эта канитель: после тенниса завезти Селену домой и затем выкладывать – всякий раз – деньги за весь проезд, – уже действовала Джинни на нервы. В конце концов, ездить с кортов на такси, а не автобусом, придумала Селена. В пятую субботу, однако, едва машина тронулась к северу по Йорк-авеню, Джинни вдруг заговорила:

– Эй, Селена...

– Чего? – спросила та, не отрываясь от своего занятия: она ладонью шарил по полу такси. – Ну куда девался мой чехол от ракетки? – простонала она.

Несмотря на теплый май, обе девочки были в пальто по-

верх шортов.

– Ты в карман положила, – сказала Джинни. – Эй, послушай...

– Ох господи, ты меня просто спасла!

– Слушай, – гнула свое Джинни, которой не хотелось от Селены никаких благодарностей.

– Чего?

Джинни решила сразу все ей выложить. Такси уже подъезжало к улице Селены.

– Мне сегодня не хочется опять платить за всю дорогу, – сказала она. – Я ж не миллионерка, знаешь.

Селена глянула на нее изумленно, затем с обидой.

– Я разве не плачу всегда половину? – простодушно спросила она.

– Нет, – сухо ответила Джинни. – Ты заплатила половину в *первую* субботу. В самом начале прошлого месяца. А с тех пор – ни разу. Я не хочу жлобиться, но я живу всего на четыре пятьдесят в неделю. Из них к тому же приходится...

– Я же всегда мячики приношу? – сварливо спросила Селена.

Иногда Джинни хотелось ее убить.

– Твой отец их *делает* или как-то, – сказала она. – Тебе они за так достаются. А я должна платить за каждую мелкую...

– Ладно, ладно, – ответила Селена громко и с решимостью, которая вроде бы доказывала ее правоту. С подчеркнутым...

тым равнодушием она стала рыться в карманах пальто. – У меня только тридцать пять центов, – холодно сказала она. – Хватит?

– Нет. Извини, но ты мне должна доллар шестьдесят пять. Я записывала все...

– Мне надо подняться и взять у матери. До *понедельника* что, не подождет? Я бы в *спортзал* принесла, если тебя это утешит.

Ну какая после такого снисходительность?

– Нет, – ответила Джинни. – Мне сегодня вечером в кино. Нужно сейчас.

В неприязненном молчании девочки смотрели в окна по разные стороны, пока такси не подъехало к дому Селены. Та сидела ближе к обочине и вышла первой. Едва не захлопнув за собой дверцу, резко и рассеянно, словно заезжая голливудская звезда, прошагала в подъезд. Джинни, побагровев, уплатила таксисту. После чего собрала свой теннисный комплект – ракетку, полотенце, шапочку от солнца – и двинулась следом. В пятнадцать Джинни была под шесть футов, в теннисных туфлях 9-Б¹⁴, и в вестибюле от ее застенчивой неуклюжести на резиновом ходу веяло чем-то опасно-любовельским. Селена предпочла смотреть на указатель этажей над дверью.

– Теперь ты мне должна доллар девяносто, – подходя к лифту, сказала Джинни.

¹⁴ Примерно соответствует 38 размеру.

Селена обернулась.

– Да будет тебе известно, – сказала она, – моя мать очень больна.

– Что с ней такое?

– Фактически у нее пневмония, и если ты думаешь, что мне приятно ее тревожить всего-навсего из-за денег... – Селена оборвала фразу со всем возможным апломбом.

Джинни вообще-то слегка опешила от этих сведений, истинных или же нет, – однако вовсе не растрогалась.

– Не я же ее заразила, – сказала она и вошла вслед за Селеной в лифт.

Когда Селена позвонила в дверь, девочек впустила – вернее, слегка приотворила и не стала закрывать дверь – цветная горничная, с которой Селена, похоже, не разговаривала. Джинни бросила свой теннисный комплект на стул в прихожей и пошла за Селеной. В гостиной та обернулась и сказала:

– Ты не против подождать? *Может*, мне придется ее разбудить.

– Ладно, – сказала Джинни, с размаху усевшись на диван.

– Ни за что бы не подумала, что ты такая скаредная, – сказала Селена; она разозлилась довольно, чтобы вспомнить слово «скаредная», но не настолько расхрабрилась, чтобы его подчеркнуть.

– Да уж какая есть, – ответила Джинни и закрылась номером «Вог». Она держала развернутый журнал, пока Селена не вышла, затем снова положила его на радиоприемник.

Оглядела комнату, мысленно переставляя мебель, выбрасывая настольные лампы, убирая искусственные цветы. По ее мнению, комната выглядела крайне омерзительно – богато, но низкопробно.

Неожиданно откуда-то из квартиры донесся громкий мужской голос:

– Эрик? Это ты?

Селенин брат, догадалась Джинни – его она никогда не видела. Она закинула одну длинную ногу на другую, оправила подол двубортного верблюжьего пальто на колене и стала ждать.

В комнату ворвался юноша в очках и пижаме, но без тапочек, и рот его был открыт.

– Ой. Елки-палки, я думал, это Эрик, – сказал он. Не оставившаяся, совершенно неэлегантно он прошел по комнате, прижимая что-то к узкой груди. Присел в пустой угол дивана. – Я только что идиотский палец себе порезал, – сказал он как-то уж очень пылко. Посмотрел на Джинни, будто и ожидал ее увидеть. – Вы когда-нибудь резали себе палец? До самой кости, вот так вот? – спросил он. В его гнусавом голосе звучала подлинная мольба, словно Джинни, ответив, могла спасти его от некоей особо томительной своим одиночеством новизны первопроходца.

Джинни уставилась на него.

– Ну, не до *самой* кости, – ответила она, – но резала.

Смешнее мальчишки – или мужчины, точно сказать было

затруднительно, – она никогда не встречала. Волосы у него стояли торчком после сна. Зарос двухдневной светлой щетиной. И выглядел – ну, как-то по-дурацки.

– Как вы порезались? – спросила Джинни.

Вяло приоткрыв рот, он смотрел на пораненный палец.

– Чего? – переспросил он.

– Как порезались?

– Да откуда я знаю? – сказал он, всем тоном своим подразумевая, что ответ на вопрос безнадежно неясен. – Чего-то искал в этой идиотской мусорной корзине, а там полно лезвий.

– Вы Селенин брат? – спросила Джинни.

– Ну. Господи, я истекаю кровью. Не уходите. Мне, может, переливание понадобится.

– А вы что-нибудь приложили?

Селенин брат слегка отнял свое увечье от груди и предъявил Джинни.

– Идиотскую туалетную бумагу, – сказал он. – Кровь остановить. Как при бритье. – Он снова глянул на Джинни. – А вы кто? – спросил он. – Подруга дурынды?

– Мы в одном классе учимся.

– Да ну? Как вас зовут?

– Вирджиния Мэннокс.

– Вы Джинни? – Он прищурился на нее из-за очков. – Джинни Мэннокс?

– Да, – ответила Джинни и сняла ногу с ноги.

Брат Селены вновь обратился к своему пальцу – очевидно, единственному предмету во всей комнате, достойному его внимания.

– Я вашу сестру знаю, – невозмутимо произнес он. – Чертова задавака.

Джинни выпрямилась.

– *Кто?*

– Вы меня слышали.

– *Никакая* она не задавака!

– Черта с два, – сказал Селенин брат.

– А вот и *нет!*

– Черта с два. Она королева. Королева всех идиотских задавак.

Тут он отвлекся и заглянул под толстые слои туалетной бумаги на пальце.

– Вы даже не *знакомы* с моей сестрой.

– Черта с два не знаком.

– Как ее зовут? Имя какое? – стояла на своем Джинни.

– Джоан... Джоан Задавака.

Джинни помолчала.

– Как она выглядит? – вдруг спросила она.

Нет ответа.

– Как она выглядит? – повторила Джинни.

– Если б она выглядела и вполтину так, как себе *воображает*, ей бы до чертиков повезло, – сказал брат Селены.

Это, по тайному мнению Джинни, могло считаться инте-

ресным ответом.

– Я ни разу не слышала, чтобы она говорила о *вас*, – сказала она.

– А меня колышет? Меня это чертовски колышет, да?

– Она все равно помолвлена, – сказала Джинни, не сводя с него глаз. – И через месяц выходит замуж.

– За кого? – спросил он, подняв голову.

Джинни до упора воспользовалась тем, что он смотрит.

– *Вы* его все равно не знаете.

Он снова принялся ковыряться в своей самодельной повязке.

– Мне жаль его, – сказал он.

Джинни прыснула.

– По-прежнему кровь идет как ненормальная. Наверное, нужно чем-то намазать, да? Чем бы таким намазать? Меркурохром сойдет?

– Лучше йод, – ответила Джинни. Затем, почувствовав, что ответ слишком учтив при таких обстоятельствах, добавила: – Меркурохром для такого *вообще* не сойдет.

– А чего нет? Почему не сойдет?

– Просто не *сойдет*, вот и все. Вам йод нужен.

Он посмотрел на Джинни.

– А он сильно жжется, да? – спросил он. – Просто жуть как жжется?

– *Жжется*, – сказала Джинни, – но от него, знаете, не умирают.

Очевидно, вовсе не обидевшись на ее тон, брат Селены вновь обратился к своему пальцу.

– Мне не нравится, когда жжется, – сказал он.

– Никому не нравится.

Тот кивнул.

– Ну да, – произнес он.

Джинни еще с минуту за ним понаблюдала.

– Хватит его трогать, – вдруг сказала она.

Словно от электрического разряда, брат Селены отдернул неувечную руку. Сел немного ровнее – точнее, стал чуть меньше сутулиться. Посмотрел куда-то в угол. Его буйное лицо обволокла некая мечтательность. Палец нераненой руки он сунул в рот и, ногтем выковыряв что-то из щели между передними зубами, повернулся к Джинни.

– Въели? – спросил он.

– Что?

– Вобедали?

Джинни покачала головой.

– Поем, когда домой приду, – ответила она. – Мама всегда к моему приходу обед готовит.

– У меня в комнате есть полсэндвича с курицей. Хотите? Я его не трогал, ничего.

– Нет, спасибо. Честно.

– Вы же в теннис играли, елки-палки. Чего, не проголодались?

– Дело не в этом, – сказала Джинни, закидывая ногу на

ногу. – Просто мама всегда готовит обед к моему приходу. В смысле, она с ума сходит, если я не голодная.

Брата Селены такое объяснение, похоже, устроило. По крайней мере, он кивнул и отвернулся. Но потом снова посмотрел на нее.

– А стакан молока? – спросил он.

– Нет, спасибо... Все равно спасибо.

Он рассеянно нагнулся и поскреб лодыжку.

– Как зовут парня, за кого она выходит? – спросил он.

– Джоан? – переспросила Джинни. – Дик Хеффнер.

Брат Селены продолжал чесать лодыжку.

– Он капитан-лейтенант на военном флоте, – сказала Джинни.

– Подумаешь.

Джинни хихикнула. У нее на глазах он расчесал лодыжку докрасна. А когда принялся расцарапывать ногтем какую-то сыпь на икре, Джинни отвела взгляд.

– А откуда вы знаете Джоан? – спросила она. – Я вас у нас дома вообще не видела.

– Я никогда и не был у вас дома.

Джинни помедлила, но деваться было некуда.

– Так где же вы тогда с ней познакомились? – спросила она.

– На вечеринке, – ответил он.

– На вечеринке? Когда?

– Я откуда знаю? Рождество 42-го. – Из нагрудного карма-

на пижамы он двумя пальцами извлек сигарету, на которой, похоже, и спал. – Спичек киньте? – сказал он. Джинни передала ему коробок со стола. Брат Селены закурил, не разгладив изгиб сигареты, обгоревшую спичку сунул обратно в коробок. Откинув голову, медленно выпустил изо рта огромнейший клуб дыма и снова втянул его ноздрями. Дальше он курил в том же стиле «французский вдох». Весьма вероятно, что не пижон сейчас ломал перед Джинни комедию на диване, но хвастался своим личным достижением молодой человек, который некогда пробовал бриться левой рукой.

– Почему Джоан задавака? – спросила Джинни.

– Почему? Потому что задавака. Откуда я, к чертовой матери, знаю, почему?

– Да, но почему вы так про нее говорите?

Тот устало повернулся.

– Слушайте. Я, как идиот, написал ей восемь писем. *Восемь*. Ни на *одно* она не ответила.

Джинни помедлила.

– Ну, может, занята была.

– Ага. Занята. Такая до черта деловая, что противно.

– А обязательно нужно так много *ругаться*? – спросила Джинни.

– Еще бы, к чертям, не нужно.

Джинни хихикнула.

– А вы с ней вообще долго знакомы были? – спросила она.

– Хватило.

– Ну в смысле, вы ей когда-нибудь звонили или что-нибудь? В смысле, вы ей вообще когда-нибудь звонили?

– Не-е.

– Ну так господа. Если вы ей никогда не звонили или что...

– Да не мог я, елки-палки!

– Почему? – спросила Джинни.

– Меня не было в Нью-Йорке.

– О. А где вы были?

– Я? В Огайо был.

– Ой, вы там в колледже учились?

– Не-а. Бросил.

– Ой, вы служили в армии?

– Не-а. – Рукой с сигаретой брат Селены постукал себя по груди слева. – Мотор, – сказал он.

– Сердце? – уточнила Джинни. – А что с ним?

– Откуда я, к чертовой матери, знаю? В детстве у меня был ревматизм. Чертов гемор...

– Может, вам тогда бросить курить? В смысле, вам разве не полагается не курить или как-то? Врач говорил моему...

– А-а, да они чё угодно наговорят, – ответил он.

Джинни ненадолго прекратила обстрел. Очень ненадолго.

– А что вы делали в Огайо? – спросила она.

– Я? Работал на идиотском самолетном заводе.

– Правда? – переспросила Джинни. – Вам понравилось?

– «Вам понравилось?» – передразнил он. – Да я всей ду-

шой полюбил там работать. *Обожаю* самолетики. Они такие *лапушки*.

Но Джинни уже слишком увлеклась и потому не обиделась.

– Сколько вы там проработали? На самолетном заводе?

– Елки-палки, да откуда я знаю? Тридцать семь месяцев. –

Он встал и подошел к окну. Выглянул на улицу, почесал большим пальцем позвоночник. – Поглядите только, – сказал он. – Дурачье чертово.

– Кто? – спросила Джинни.

– Откуда я знаю? Кто угодно.

– У вас из пальца кровь сильнее пойдет, если вы его так *вниз* держать будете, – сказала Джинни.

Он услышал. Поставил левую ногу на сиденье в оконной нише и раненую руку утвердил на ляжке. Он по-прежнему смотрел на улицу.

– И все тащатся в призывную комиссию, как подорванные, – сказал он. – Дальше мы будем сражаться с эскимосами. Знаете, да?

– С кем? – переспросила Джинни.

– С *эскимосами*... Почистите уши, елки-палки.

– Почему с эскимосами?

– Да откуда я знаю почему? Откуда *мне* знать? И сейчас пойдут одни старики. Только те, кому под шестьдесят. И кроме таких, никого не возьмут, – сказал он. – День им короче сделать, и все... Подумаешь.

– Вам-то не ходить все равно, – сказала Джинни, не имея в виду ничего, кроме правды, однако, еще не договорив, поняла, что сказала не то.

– Я знаю, – быстро ответил он и снял ногу с сиденья. Приподнял раму и щелчком отправил окурок на улицу. Затем, покончив с окном, повернулся. – Эй. Сделайте доброе дело. Когда этот парень придет, скажете, через пару секунд я буду готов? Мне только побриться, и все. Ладно?

Джинни кивнула.

– Поторопите Селену или как? Она знает, что вы тут?

– Ой, она знает, – ответила Джинни. – Я никуда не спешу. Спасибо.

Селенин брат кивнул. Прощальным взглядом окинул свой палец, словно убеждаясь, что с таким увечьем доберется до своей комнаты.

– А чего вам пластырем не заклеить? У вас что, пластыря тут нет нигде?

– Не-а, – ответил он. – Да ладно. Бывайте. – Он выбрел из комнаты.

Через несколько секунд вернулся – с половиной сэндвича.

– Ешьте, – сказал он. – Полезно.

– Ну правда, я совсем не...

– *Берите*, елки-палки. Я его не отравил, ничего.

Джинни взяла полсэндвича.

– Ладно, большое вам спасибо, – сказала она.

– С курицей, – сказал он, не отходя от нее, наблюдая. –

Вчера вечером купил его в гастрономе идиотском.

– Красивый.

– Ну так и *ешьте* тогда.

Джинни откусила.

– Полезно же?

Джинни с трудом проглотила.

– Очень, – ответила она.

Брат Селены кивнул. Рассеянно оглядел комнату, скребя впалую грудь.

– Ладно, мне, наверно, одеваться пора... Господи! Вон звонят. Ладно, бывайте! – Он пропал.

Оставшись одна, Джинни огляделась, не вставая: куда бы выбросить или спрятать этот сэндвич? По прихожей кто-то шел. Она сунула сэндвич в карман пальто.

В комнату вступил молодой человек чуть за тридцать, не дылда и не коротышка. Правильные черты, короткая стрижка, покрой костюма, узор фуляра не выдавали никаких ясных сведений. Он мог работать в еженедельнике – или устраиваться туда. Мог играть в пьесе, которая только что сошла со сцены в Филадельфии. Мог служить в юридической конторе.

– Здравствуйте, – приветливо сказал он Джинни.

– Здравствуйте.

– Видели Фрэнклина? – спросил он.

– Он бреется. Просил вам передать, чтобы подождали.

Сейчас выйдет.

– *Бреется.* Боже праведный. – Молодой человек глянул на часы. Затем уселся в кресло, обитое красным дамастом, скрестил ноги и поднес руки к лицу. Кончиками пальцев потер закрытые глаза – так, словно очень устал или недавно пришлось сильно напрягать зрение. – Сегодня наикошмарнейшее утро моей жизни, – сказал он, отнимая от лица руки. Говорил он одним горлом, будто у него не оставалось сил вкладывать в слова дыхание.

– Что случилось? – спросила Джинни, глядя на него во все глаза.

– Ох... Слишком долгая история. Я никогда не достаю людей, с которыми не знаком хотя бы тыщу лет. – Он отсутствующе и досадливо уставился куда-то в окна. – Но никогда больше я не стану считать себя даже *отдаленнейшим* знатоком человеческой природы. Можете меня цитировать направо и налево.

– Что случилось? – повторила Джинни.

– Ох, господи. Этот тип, с которым я делил квартиру много, много, много месяцев, – я даже не хочу о нем говорить... Этот *писатель*, – добавил он удовлетворенно – вероятно, вспомнив любимое проклятие из романа Хемингуэя¹⁵.

– Что он натворил?

¹⁵ Аллюзия на 16 главу романа американского писателя Эрнеста Миллера Хемингуэя (1899–1961) «Фиеста (И восходит солнце)» (1926): «Скажи ему, что, по-моему, писать – занятие гнусное, – говорил Билл. – Скажи, скажи ему. Скажи ему; мне стыдно, что я писатель» (пер. В. То пер).

– Честно говоря, я бы не стал пускаться в детали, – сказал молодой человек. Презрев прозрачный хумидор на столе, он вытащил сигарету из своей пачки и прикурил от собственной зажигалки. Руки у него были крупные. Они вовсе не выглядели ни сильными, ни умелыми, ни чувствительными. Однако действовал он ими так, будто их гнало не вполне ему подконтрольное эстетическое неистовство. – Я решил, что даже думать об этом не стану. Но я в таком просто бешенстве, – сказал он. – То есть вот вам такой жуткий типчик из *Алтунь*, штат Пенсильвания, – или откуда-то *вроде*. Явно *умирает* с голоду. Я же достаточно добр и *порядочен* – а я вообще такой добрый самаритянин, – поэтому *принимаю* его к себе в квартиру, эту абсолютно микроскопическую крохотную квартирку, где сам едва могу повернуться. Знакомлю его со *всеми* своими друзьями. Терплю, пока он замусоривает *всю* квартиру своими кошмарными рукописями, окурками, *редиской*, всякой пакостью. Представляю его всем до единого театральным продюсерам Нью-Йорка. *Таскаю* его грязные рубашки в прачечную и обратно. И после *всего* этого... – Молодой человек помолчал. – И вот итог моей доброты и порядочности, – продолжил он. – Этот гнус уходит из дому в пять или шесть утра – не оставил мне даже записки и выгреб все до крошки отовсюду, куда только смог залезть своими мерзкими грязными лапами. – Он умолк и затанулся, тонкой струей со свистом выпустил дым изо рта. – Я не желаю об этом говорить. Вот не желаю, и все тут. –

Он посмотрел на Джинни. – Мне очень нравится ваше пальто, – произнес он, уже встав с кресла. Подошел, пощупал лацкан. – Миленькое. Такой *хорошей* верблюжьей шерсти я с войны не видел. Можно спросить, где вы его достали?

– Мама привезла из Нассо.

Молодой человек глубокомысленно кивнул и отступил к креслу.

– Одно из немногих мест, где можно достать поистине *хорошую* верблюжью шерсть. – Он сел. – Она там долго пробыла?

– Что? – спросила Джинни.

– Ваша мама долго там пробыла? Я почему спрашиваю – моя мама была там в декабре. И часть января. *Обычно* я езжу с ней, но такой заполошный был год, я просто не смог вырваться.

– Она там была в феврале, – сказала Джинни.

– Здорово. Где останавливалась? Знаете?

– У моей тети.

Он кивнул.

– Можно спросить, как вас зовут? Вы – подруга сестры Фрэнклина, как я понимаю?

– Мы учимся в одном классе, – сказала Джинни, ответив только на второй вопрос.

– А вы не та прославленная *Максин*, о которой Селена все время говорит?

– Нет, – ответила Джинни.

Молодой человек принялся отряхивать ладонью брючные отвороты.

– Я с головы до пят в *собачьей шерсти*, – сказал он. – Мама на выходные ездила в Вашингтон и зверя забросила ко мне в квартиру. Он, конечно, вполне симпатичный. Но такие мерзкие привычки. У вас есть собака?

– Нет.

– Вообще-то, я думаю, держать их в городе жестоко. – Он бросил чиститься, откинулся на спинку и снова посмотрел на часы. – Этот мальчик, сколько его помню, *никогда* не приходит вовремя. Мы идем смотреть «Красавицу и чудовище» Кокто¹⁶, а на *эту* картину поистине *следует* приходиться вовремя. То есть, если не прийти, все *очарование* пропадет. Вы его видели?

– Нет.

– О, всенепременно сходите! Я его смотрел восемь раз. Это абсолютно чистый гений, – сказал он. – Я пытаюсь затащить на него Фрэнклина уже много месяцев. – Он сокрушенно покачал головой. – Ох уж этот его вкус. В войну мы с ним работали в этом жутком месте, и мальчик просто силком таскал меня на самые невообразимые картины на свете. Мы смотрели и про гангстеров, и вестерны, и *мюзиклы*...

– Вы тоже работали на самолетном заводе? – спросила Джинни.

¹⁶ «Красавица и чудовище» (1946) – фильм французского поэта, художника и кинематографиста Жана Кокто (1889–1963).

– Господи, да. Долгие, долгие, долгие годы. Давайте об этом не будем, прошу вас.

– У вас, значит, тоже плохо с сердцем?

– Боже правый, нет. Постучим по дереву. – Он дважды стукнул по ручке кресла. – Я здоров, как...

Когда вошла Селена, Джинни вскочила и двинулась ей навстречу. Селена сменила шорты на платье – в иной ситуации Джинни это взбесило бы.

– Извини, что бросила тебя, – неискренне произнесла Селена, – но пришлось дожидаться, когда мама проснется... Привет, Эрик.

– Привет, привет!

– Мне все равно не нужны деньги, – сказала Джинни, понизив голос, чтобы услышала только Селена.

– Что?

– Я тут подумала. Ну то есть, ты же мячи все время приносишь, и все такое. Я об этом забыла.

– Но ты же сказала, что я за них не плачу и поэтому...

– Проводи меня, – сказала Джинни и вышла первой, не попрощавшись с Эриком.

– А я думала, ты в кино сегодня собираешься и тебе поэтому деньги нужны, – сказала Селена в прихожей.

– Очень устала, – произнесла Джинни. Нагнулась за своим теннисным комплектом. – Слушай, я звякну тебе после ужина. У тебя на вечер какие-нибудь планы были? Может, найду.

Селена уставилась на нее:

– Хорошо.

Джинни открыла дверь и пошла к лифту. Нажала кнопку.

– Я познакомилась с твоим братом, – сказала она.

– Правда? Ну и субъект, да?

– А чем он вообще занимается? – как бы между прочим спросила Джинни. – Работает или что?

– Недавно бросил. Папа хочет, чтобы он вернулся в колледж, а он ни в какую.

– Почему?

– Откуда я знаю? Говорит, слишком старый, и все такое.

– А сколько ему?

– Откуда я знаю? Двадцать четыре.

Двери лифта открылись.

– Я тебе позвоню! – сказала Джинни.

На улице она двинулась на запад к Лексингтон, на автобус. Между Третьей и Лексингтон сунула руку в карман за кошельком и наткнулась на половину сэндвича. Вытащила, начала опускать руку, чтобы выронить сэндвич на тротуар, но вместо этого положила обратно в карман. Несколько лет назад она три дня не могла избавиться от пасхального цыпленка, чей трупик обнаружила в опилках на дне своей мусорной корзины.

Хохотун

В 1928 году, когда мне сравнялось девять, я до самозабвения принадлежал к организации, известной под названием «Клуб команчей». Каждый день в три часа, после уроков нас, двадцать пять команчей, у мужского выхода средней школы 165 на 109-й улице, что возле Амстердам-авеню, подбирал Вождь. Тычками и кулаками мы прокладывали себе путь в переоборудованный рейсовый автобус Вождя, и тот вез нас (соответственно финансовой договоренности с нашими родителями) в Центральный парк. Остаток дня, если позволяла погода, мы играли в футбол, американский или европейский, или в бейсбол – в зависимости (крайне произвольной) от времени года. Если было сыро, Вождь неизменно водил нас либо в Музей естествознания, либо в музей искусств «Метрополитен».

По субботам и почти всем национальным праздникам Вождь собирал нас с раннего утра по нашим многоквартирным домам и в своем обреченном на вид автобусе увозил с Манхэттена на относительно широкие просторы парка Ван-Кортландта¹⁷ или в Палисады. Если у нас на уме была просто

¹⁷ Муниципальный парк в северной части Бронкса в Нью-Йорке, расположен на месте части бывшего поместья первого мэра Нью-Йорка, родившегося на территории США, купца и колониального чиновника Стефануса Ван-Кортландта (1643–1700).

атлетика, мы ехали в Ван-Кортландт, где игровые поля были предписанных размеров, а в команду противника не входила детская коляска или разгневанная старушенция с клюшкой. Если же наши индейские сердца стремились в поход, мы ехали в Палисады и мужественно претерпевали тяготы. (Помню, как-то в субботу я потерялся на хитром участке пересеченной местности между рекламным плакатом жидкого крахмала «Линит» и западной оконечностью моста Джорджа Вашингтона. Тем не менее головы я не потерял. Сел в величественной тени гигантского плаката и, как ни проливал слезы, деловито открыл коробку с обедом, почти уверенный, что Вождь меня найдет. Вождь нас всегда находил.)

В те часы, когда Вождь был свободен от команчей, его звали Джон Гедсудски, и жил он на Стэйтен-айленде. Крайне робкий, прекраснодушный молодой человек лет 22–23, изучал право в Университете Нью-Йорка – в общем, личность весьма примечательная. Не стану и пытаться исчислить множество его достижений и достоинств. Но мимоходом замечу, что был он скаутом-орлом¹⁸, едва не стал полузащитником американской сборной в 1926 году, и было известно, что его крайне сердечно зазывала к себе пробоваться бейсбольная команда «Нью-Йоркские гиганты». Он оставался бесстрастным и беспристрастным арбитром всех наших полоумных спортивных схваток, мастером разведения и гашения кост-

¹⁸ Скаут-орел – бойскаут первой ступени, набравший по всем видам зачетов не менее 21 очка.

ров, бывалым и благосклонным санитаром первой помощи. Все мы, от самого мелкого хулигана до самого крупного, любили его и уважали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.